

наших этнографических монографиях к практике публикации самого фольклорного материала — текстов и мелодий⁵.

Книга недостаточно тщательно отредактирована, в ней попадаются отдельные стиливые небрежности, неудачные выражения⁶. Навязчив излишний пафос, он снижает общий серьезный тон исследования. Встречаются и некоторые композиционные неувязки (например, характеристика общественного быта дается в двух разных местах книги, точно так же и материалы по народному поэтическому творчеству).

Подбор иллюстраций к книге удачен; он обогащает исследование обильным фактическим материалом. Особенно хорошо иллюстрированы (рисунками, фото, чертежами) раздел материальной культуры. Цветные иллюстрации хорошо передают национальный стиль киргизского прикладного искусства, его колорит.

Исследование завершено послесловием. Помещение его вызвано вполне понятным желанием авторов привести последние данные по экономическому развитию колхозов тем более что в 1956 г. в результате реализации решений XX съезда КПСС колхозы добились серьезных хозяйственных успехов. И тем не менее необходимость такого послесловия возбуждает сомнения. Жизнь идет настолько быстрыми темпами вперед, что отдельные данные (в частности экономические показатели) неизбежно устаревают. В этом, однако, дело. Непреходящий теоретический и практический интерес этнографических исследований заключается в том, чтобы изучить глубоко и детально те огромные и сложнейшие процессы, которые происходят во всех областях народной жизни, выявить их направление, сделать понятными причины, ускоряющие или, наоборот, замедляющие процесс развития. Задача эта не легка, и рецензируемая книга не может полностью удовлетворить в этом отношении.

Однако авторским коллективом книги сделано немало. Несмотря на отдельные недочеты и недоработки, книга вводит в научный оборот свежий и богатый этнографический материал, ставит ряд важнейших проблем, касающихся судеб национальных традиций в современности, процессов формирования новых форм быта, пути развития советской семьи, новых общественных отношений.

Монография о киргизском колхозе встретит, несомненно, живой интерес не только среди специалистов, но и в среде широкого круга советских читателей.

В. Ю. Крупицкий

О. А. Сухарева. *К истории городов Бухарского ханства* (Историко-этнографические очерки). Институт истории и археологии. Академия наук Узбекской ССР. Ташкент, 1958, стр. 146, 27 фотографий, 4 плана-вклейки.

Рецензируемая книга написана большим знатоком истории Средней Азии, культуры и быта ее народов. О. А. Сухарева — автор ряда работ, посвященных узбекам и таджикам, их материальной культуре, социальным отношениям, идеологии. В течение многих лет О. А. Сухарева занята этнографическим изучением городов Средней Азии, в первую очередь Бухары — столицы бывшего Бухарского эмирата, в большей степени, чем другие города, сохранявшего до недавнего времени свой прежний облик и богатого многочисленными памятниками прошедшей эпохи.

Изучение истории и этнографии такого крупного города, как Бухара, требует затраты огромного количества труда и времени, большой энергии и настойчивости. Достаточно сказать, что автором книги произведено детальное этнографическое исследование двухсот отдельных кварталов города, причем определено и изучено их местонахождение, история заселения, социальный, этнический и профессиональный состав населения и многие другие особенности. Выполнение этой работы одним лицом само по себе говорит о неистощимой энергии О. А. Сухаревой, ее настойчивости и преданности любимому делу.

Книга «К истории городов Бухарского ханства», насколько известно автору этих строк, охватывает лишь часть материалов, накопленных О. А. Сухаревой. Она состоит из двух разделов — исторического и этнографического. Первый раздел — «Очерки по исторической топографии г. Бухары» имеет три очерка, каждый из которых посвящен определенной эпохе жизни города. Второй раздел — «Очерки населения городов Бухарского ханства конца XIX — начала XX в.» также состоит из трех очерков, но в отличие от первого раздела, разбитых по территориальному принципу. Здесь по-

⁵ Прекрасный образец такой публикации дает монография «Горняцкое село Жакаровце», изданная Словацкой Академией наук (см. рецензию в журн. «Сов. этнография», 1958, № 1).

⁶ См., например, характеристику песни «Бекбекей» (стр. 90—93). На самом деле песня эта пелась девушками и женщинами, караулившими скот; они перекликались ею, проверяя друг друга и призывая к бодрствованию (см. М. Богданова, Киргизская литература, М., 1947, стр. 17).

мещены материалы, касающиеся населения трех крупнейших городов б. Бухарского ханства — Бухары, Карши и Шахрисябза.

Первый раздел посвящен судьбам города Бухары в различные эпохи, росту его на протяжении более двенадцати столетий, начиная с эпохи зарождения феодальных отношений и кончая периодом позднего феодализма, чрезвычайно затянувшегося в условиях Средней Азии. В основу исследования автор совершенно правильно положил рассмотрение вопроса о городских стенах, являвшихся неотъемлемой принадлежностью феодального города. Как известно, феодальные города на Востоке состояли из более старой, центральной, части, обнесенной стеной, так называемого шахристана, к которому впоследствии постепенно присоединялись предместья — рабад, кольцо которых по мере роста города все расширялось. Для определения местонахождения городских стен в различные эпохи существенно важными ориентирами являются городские ворота. Автором был предпринят тщательный анализ исторических источников, из которых важнейшими для Бухары являются «История Бухары» Нершахи (X в.), с позднейшими дополнениями Абунасра Куббави и Мухаммеда Зуфара (XII в.), а также книга Мулло-заде (первая половина XVI в.); для более поздней эпохи исторические источники сопоставлялись О. А. Сухаревой с этнографическими сведениями.

Автором намечены основные этапы жизни и роста города. Город эпохи арабского завоевания (VIII в.), когда всю его территорию занимал лишь шахристан, составлявший не более 30—35 га. Город X—XII вв., границы которого, в основном определяясь кольцом древних кладбищ, все же недостаточно ясны, хотя в это время, помимо шахристана, в пределы городских стен была включена и территория рабадов. Город первой половины XVI в., границы которого определяются довольно точно, если исходить из сообщений Мулло-заде, давшего подробное описание топографии города в связи с описанием бухарских мазаров. Наконец, город второй половины XVI в., значительно выросший по сравнению с предыдущим периодом и сохранившийся в территориальном отношении без изменения до Октябрьской революции. Все приведенные в этом разделе материалы говорят о постепенном росте Бухары, причем периоды довольно бурного роста сменялись временами периодами застоя и даже упадка городской жизни, что, по-видимому, было связано с внешнеполитическими событиями (монгольское нашествие, эпоха феодальных междоусобиц, нашествие НаDIR-шаха в середине XVIII в.).

Развитие городской жизни стимулировалось увеличением роли городов в экономике страны, развитием ремесел и отделением их от сельского хозяйства, увеличением обмена и ростом торговли. Автор показывает это на ряде любопытных примеров: так, в позднейшее время город вырос за счет кварталов ремесленников, сосредоточенных в западной и восточной его частях.

Представляется вполне убедительной трактовка О. А. Сухаревой термина «хисар» в значении городской стены, а не городской территории: как правильно указывает автор, такое значение этого термина аналогично значению другого термина — «каля», относившегося прежде всего, безусловно, к стенам укрепленного поселения, а не к самому поселению; о последнем свидетельствует тот факт, что в Средней Азии и соседних странах в применении к селениям термином «каля» назывались такие из них, которые обносились стенами, в то время как для неогороженных селений этот термин не употреблялся¹.

Первый очерк второго раздела дополняет и углубляет материалы первого раздела. Изучение вопросов, связанных с развитием городской жизни, неуклонным ростом территории города, поставило перед автором и другие вопросы — о численности, национальном и социальном составе населения Бухары. На эти вопросы нелегко дать ответ, поскольку никаких статистических данных по дореволюционной Бухаре не имеется и переписи населения в Бухарском ханстве никогда не прозодилось. Различные подсчеты, основанные на косвенных данных, равно как и перепись 1926 г., не могут дать, как это убедительно показал автор, сколько-нибудь точного представления о количестве населения дореволюционной Бухары. В результате сплошного обследования всех бухарских кварталов автору удалось выяснить число домовладений города, оказавшееся равным 12,5 тыс. Приняв численность каждой семьи в среднем в шесть чел. и прибавив к полученной цифре еще 10—15 тыс. чел. (население бывшего бухарского арка — дворца, учащиеся многочисленных медресе и пр.), О. А. Сухарева полагает, что количество населения дореволюционной Бухары составляло 85—90 тыс. чел. В свете этих данных О. А. Сухарева критикует имеющиеся в научной литературе высказывания о численности населения некоторых средневековых городов Востока, которая определялась во многие сотни тысяч.

Сложнее вопрос об этническом составе Бухары. Его трактовка у О. А. Сухаревой не отличается достаточной для нас убедительностью, несмотря на большую подчас категоричность суждения. Говоря о таджикоязычности подавляющего большинства населения Бухары, автор всячески избегает сказать о том, что значительную часть населения города составляют таджики. С этой целью автор прибегает к таким расплывчатым фразам: «В Узбекистане, население которого по переписи 1926 г. на

¹ См. А. З. Розенфельд, Qala («kala») — тип укрепленного иранского поселения, «Сов. этнография», 1951, № 1.

74,19% состояла из узбеков, жители некоторых городов сохранили таджикский язык...» (стр. 75) или же: «Таджикоязычность бухарцев-горожан, сложившаяся исторически, объясняется, несомненно, той важной ролью, которую играл в этногенезе городского населения древний местный иранский пласт» (стр. 77). При этом О. А. Сухарева ссылается на данные переписи 1926 г., по которой в Бухаре зарегистрировано 27 тыс. узбеков и 8 тыс. таджиков. Данными этой же переписи автор оперирует и при определении этнического состава Бухарского округа (стр. 75). Однако несколько раньше, при определении количества населения (стр. 72), автор ставит результаты переписи 1926 г. под сомнение.

Ссылаясь на перепись 1926 г., О. А. Сухарева говорит, что «несмотря на преобладание в Бухаре таджикского языка, большинство жителей города считает себя не таджиками, а узбеками» (стр. 79). Но перепись 1926 г. происходила очень скоро после свержения эмира, и, безусловно, процессы формирования этнического сознания за столь малый срок не могли дать сколько-нибудь ощутительных результатов. Как же совместить сказанное выше со словами нашего автора о том, что перед Октябрьской революцией термины «узбек» и «таджик» еще не получили устойчивой семантики и что «термин «узбек» в устах горожан — бухарцев и самаркандцев — имел значение не столько этническое, сколько социальное, обозначая жителей сельских местностей» (стр. 81).

Говоря о древнем языке бухарцев, автор отмечает точку зрения тех исследователей, которые считают согдийскими две фразы, приведенные у Нершахи, но следовало бы привести и другое, позднее высказанное в литературе мнение о том, что эти фразы могли быть таджикскими².

Среди материалов, посвященных изучению фарсов (ирани), арабов и среднеазиатских евреев Бухары, мы находим много любопытных подробностей, связанных с появлением этих этнических групп в городе, с их бытом, культурой, а также взаимоотношениями с представителями других национальностей Бухары.

Большой познавательный интерес имеют главы, посвященные занятиям городского населения Бухары и его социальному составу в дореволюционный период. Подробно охарактеризованы многочисленные группы ремесленников, в большинстве случаев расселившихся на окраинах города отдельными кварталами по своим профессиям; однако представители наиболее старых городских ремесел нередко жили и в центральных кварталах города, что объясняется самой историей заселения Бухары. Особенно широко было распространено занятие ткачеством, при этом различные группы ремесленников специализировались на выделке определенных сортов ткани. В Бухаре были представлены и некоторые чрезвычайно редкие специальности, например было развито «шитье золотом». О бухарских золотошвеях недавно была опубликована специальная статья Е. М. Пещеревой³, однако автор книги не счел необходимым сделать соответствующую ссылку, как, впрочем, и в ряде других случаев — например, не упомянута работа А. А. Семенова⁴. В рецензируемой книге дана характеристика и других профессий, включая те группы, которые стояли в самом низу социальной лестницы, например омыватели мертвых, упаковщики грузов, водоносы, профессиональные нищие.

Следует отметить, что глава, дающая социальную характеристику населения, отделена от главы о занятиях несколько искусственно, что вызвало и неизбежные повторения при перечислении профессиональных групп, с одной стороны, и социальных групп — с другой. Однако материал этой главы также чрезвычайно содержателен и насыщен многими подробностями, не известными до сих пор. Так, много любопытного мы узнаем о жизни «сипо» — военнотрудового населения Бухары. Для сипо в Бухаре предоставлялись квартиры в казенных домах, им выдавались довольствие деньгами, зерном и одеждой. Определенные круги служилой аристократии, кроме того, могли пользоваться различными товарами из частных лавок, владельцы последних отмечали вид опущенного товара и его количество на обструганных палочках-бирках, которые затем передавались в финансовую канцелярию, и казна раскладывалась с торговцами. Большими привилегиями пользовалось и высшее духовенство ханства, в частности, оно получало значительные доходы от так называемых вакфов (вакуфов) — недвижимого имущества, завещанного кем-либо в пользу духовного учреждения или учебного заведения.

К сожалению, вопрос о вакфах (вакуфах), равно как и вопрос о пожаловании высшей знати поместий и так называемых «танхо» (пожалований доходов с земли, обрабатываемой крестьянами) не получил в книге более детальной разработки; между тем он представляет огромный интерес для выяснения форм феодальной собственности в ханстве.

Очерки второй и третьей разбираемого раздела посвящены характеристике двух других крупных городов бывшего Бухарского ханства, как об этом было уже сказа-

² См. А. М. Мандельштам, О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском Междуречье, «Сов. археология», т. XX, 1954, стр. 74.

³ «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVI, М.—Л., 1955.

⁴ «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего периода», Труды АН Тадж. ССР, т. XXV, 1954.

но, — Карши и Шахрисябза. Они построены примерно по тому же плану, как и очерки, посвященные Бухаре. Излагаются сведения, собранные непосредственно автором, о топографии обоих городов, их структуре, кварталах, численности и этническом составе населения, его занятиях. Отмечено своеобразное разделение труда между Шахрисябзом и соседним городом Китабом: большинство тканей, известных под именем шахрисябзских, выделялось в Китабе, Шахрисябзу же принадлежала ведущая роль в торговле этими тканями.

Книга издана в общем тщательно, встречаются, однако, отдельные неточности: например, неправильно указаны годы правления Шах-Мурада (стр. 76), на стр. 47 дана сноска, относящаяся к стр. 46. Большой интерес представляют приложенные планы городов, а также фотографии, исполнение которых, однако, оставляет желать лучшего. К сожалению, не указаны и источники иллюстраций.

В целом же книга О. А. Сухаревой имеет очень большое познавательное значение и вносит много нового в изучение истории и этнографии Средней Азии. Можно лишь пожелать, чтобы вслед за этой книгой появились и другие публикации автора на ту же тему, о чем должен позаботиться Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.

Н. А. Кисляков

Казахские сказки, т. I, Составитель Е. Исмаилов. Алма-Ата, 1957, стр. 440 (на казахском яз.). — *Казахские сказки*, т. I. Составление и редакция В. М. Сидельникова. Алма-Ата, 1958, 461 стр.

Впервые в истории казахской фольклористики начата публикация казахских сказок в нескольких томах. Первый том (на казахском и русском языках) вышел в декаде казахской литературы и искусства. Издание сказок на казахском языке явилось итогом многолетней кропотливой собирательско-исследовательской работы доктора филологических наук Е. С. Исмаилова. Большой знаток и неутомимый исследователь родного фольклора, Е. С. Исмаилов сумел из многочисленного и многообразного сказочного эпоса казахов отобрать наиболее идейно насыщенные, высокохудожественные образцы. Эти сказки типичны и широко распространены среди казахского народа. Большинство их (45 сказок) взяты из рукописного фонда Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР (записи А. Маргулана, М. Ескендерова, И. Байзакова и др.). Остальные сказки — как опубликованные, так и неопубликованные — записи А. Диваева. В сборнике есть и сказки, записанные самим составителем — Е. Исмаиловым.

Сказки в сборнике расположены по жанрам: волшебнo-фантастические, сказки о животных, социально-бытовые. Отдельно выделены сказки-предания. Завершается сборник шедеврами казахского сказочного эпоса — повествованиями об Алдар-Косе, о Жиренше-Шешене и Хожа Насыре.

Просмотр сборника показывает, что в основу подбора сказок положен принцип историзма. Сказки данного тома характеризуют жизнь казахского народа в феодально-родовой период. Они представляют ценный материал для изучения культуры и быта казахского народа в прошлом. Во всех, даже в волшебнo-фантастических сказках нетрудно увидеть общественно-политические идеалы и устремления трудящихся масс. Главным героем казахских сказок является бедняк, пастух, тазша-бала — спаситель и защитник угнетенных и нуждающихся. Он наделен высокими моральными качествами: честен, справедлив, храбр, находчив, добр, отзывчив. В сказках показана также любовь народа к труду, его мастерство и умение создавать новое.

Наряду с образами людей труда, стремящихся к преодолению жестокой нужды, борющихся за лучшую жизнь, в казахских народных сказках даны образы их социальных врагов — баев, ханов, биев, вызывающие ненависть и насмешку народа. Особенно ясно это видно в сказках об Алдар-Косе, Жиренше-Шешене и Хожа Насыре. В сказке о том, как Алдар гостил у Шик Бермес Шигайбая, высмеивается скупость, жадность и тупоумие бая, которого ловко одурачивает Алдар-Косе, взяв у него все то, что ему хотелось взять, по воле и согласно самого никому не дающего бая. Творцы казахских сказок умеют метким и острым выражением раз и навсегда заклеить врага. В названной сказке баю дано имя «Шик Бермес Шигайбай», означающее «Даже росинки не дающий Шигайбай».

Особый интерес представляют сказки-легенды о Коркуте и легенда о том, как Асан-Кайгы искал обетованную землю. В них отражены сокровенная мечта народа о счастливой жизни, о благодатной земле, желание покорить силы природы, мечта о долголетии.

Сборник «Казахские сказки» снабжен предисловием М. Ауэзова и Е. Исмаилова, которое начинается объяснением термина «ертегі» (сказка). Слово «ертегі» происходит от «ертеде», «ерте кундегі», что означает «давным-давно прошедшее», «события прошлых дней». Этим словом начинается большинство казахских сказок: «ертеде бір хан бопты», «ертеде бір кемпір мен шал бопты», «ертеде бір батыр бопты» (давным-